

Любовь Николаевна Щанкина

DOI 10.31483/r-75374

ОБРЯД «ПРОВОДОВ ДУШИ» У МОРДВЫ ПОВОЛЖЬЯ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

***Аннотация:** на базе материалов полевых исследований автора, экспедиционных данных середины XX века В.Н. Белицер, хранящихся в архиве Института этнологии и антропологии РАН, а также анализа опубликованных сведений исследователей культуры, изучены обряды мордовского народа, связанные с проводами души умершего человека и бытовавшие в середине XIX – начале XXI вв. Выявлено, что похоронно-поминальная обрядность этноса представляет собой синтез дохристианских верований мордвы с христианскими. Охарактеризованы изменения, произошедшие в поминальном обряде мордвы после принятия христианства, в годы советской власти и за последние десятилетия. В результате исследования было установлено, что поминальные обряды на 40-й день мордвы, мошки и эрзи, в большой мере тождественны; различия имели больше региональный, чем этнический характер.*

***Ключевые слова:** Поволжье, мордва, поминальные обряды, душа, культ предков, жертвоприношения, поминальная пища, потусторонний мир.*

***Abstract:** on the basis of field researches, forwarding data of middle XX century made and collected by V.N. Belitser, stored in the archive of Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Science, as well as the analysis of published information made by culture researchers, the rites of the Mordvins associated with funerals and existed in the middle of the XIX – beginning of XXI century are examined. It is revealed that the funeral and memorial rites of the ethnic group are a synthesis of pre-Christian beliefs of the Mordvins with Christian ones. The changes that occurred in the funeral ceremonies of the Mordvins after adoption of Christianity, during the years of Soviet regime and over the past decades are described. As a result of the study, it was found that the funeral rites on the 40th day of the Mordvins,*

the Mokshas and the Erzi were largely identical; the differences were more regional than ethnic.

Keywords: *Volga region, the Mordvins, funeral rites, soul, ancestor worship, sacrifices, funeral food, the other world.*

Похоронно-погребальная обрядность – один из значимых компонентов народной культуры, который в сравнении с родильными и свадебными обычаями является более стойким в системе семейной обрядности. Тем не менее, как и другие составляющие жизненного цикла, похоронно-поминальная обрядность была подвержена трансформации вследствие исторических, социальных и культурных изменений, проникновения инноваций. Последние, в частности, сохраняясь и передаваясь в пределах этноса, по прошествии некоторого времени сами становились традиционными. Также определенный отпечаток наложили социально-экономические факторы, межэтнические контакты и т. д.

На протяжении XVIII в. мордва, как и другие народы, была подвергнута христианизации, в результате чего произошло смешение дохристианских верований с христианскими. После укрепления христианства мордва стала хоронить усопших на 3-й день, и тогда же начали проводить первое поминовение. В целом поминки совершались на 3, 9, 20 и 40-й дни, через полгода и в каждую годовщину смерти. Повсеместно на них приглашали как самого покойного, так и всех ранее умерших родственников. В с. Верхние и Нижние Кузлы Пономаревского района Оренбургской области устраивали поминки также на 6-й день после смерти, что больше нигде не было зафиксировано [10, с. 115].

Наиболее почетными и важными являлись сороковины (поминки на 40-й день), в которых участвовал большой круг родственников, включая проживавших не только в данном селе, но и далеко за его пределами. По представлению большинства народов, в этот день душа покойного покидает дом, и это ее окончательные проводы в потусторонний мир. Также и среди мордвы бытовало мнение, что еще в течение 40 дней после смерти душа усопшего находится дома, ест и пьет вместе со всеми. Поэтому на столе для нее держали чашку и лож-

ку, а за столом сохраняли место, садиться на которое никто не имел право. И лишь после 40-го дня душа умершего переходит в иной мир.

Поминально-погребальные обряды сопровождались различными приметами и предписаниями. Некоторые из них функционировали вплоть до настоящего времени, например запрещалось подметать пол, поскольку это считалось неуважением к покойному, и, кроме того, допускалось, что вместе с сором выметали и самого усопшего. В д. Селище Большеигнатовского района Республики Мордовия, если у девушки умирал кто-то из родителей, то она в течение сорока дней должна была ходить, распустив волосы [1, л. 13]. Как известно, многие народы не одобряют ношение девушками распущенных волос. Однако в данном случае это символизировало траур.

В дни похорон и накануне поминания в доме закрывали зеркала, на стол в переднем углу ставили хлеб с солью, свечу в стакане, а перед иконой зажигали лампаду. На подоконник помещали чашку с водой, чтобы душа умершего, выйдя из тела, имела возможность омыться. По другой версии, эта вода предназначалась для того, чтобы в ней могла омыть свое оружие смерть (на 40-й день эту воду выливали в передний угол). Знахарки Саратовской губернии рассказывали, будто бы видели, как колыхалась вода в этих чашках, когда из больного выходила душа [12, с. 167]. Также воду оставляли якобы для того, чтобы душа покойного, находясь дома в течение сорока дней, могла утолить жажду. Аналогичный обряд с водой существовал и у других финно-угорских народов, в частности у марийцев, ижор, карел, вепсов.

В дни проведения поминок, как правило, двери на ночь не запирались, чтобы души предков могли беспрепятственно войти в дом. В народе и в настоящее время существует поверье, что умерший во время всех поминовений созывает покойных сородичей, чтобы поесть и попить на своих поминках. При этом на стену обязательно вешали ритуальное полотенце, предназначавшееся для усопшего, которое могло выступать в качествеместилища его души. На 40-й день это полотенце дарили его родственникам или первому человеку, пришедшему на поминки.

В с. Новозахаркине Петровского района Саратовской области полотенце, которое висело около покойного, отдавали одному человеку, проходящему мимо [ПМА: Дорофеева]. В с. Лебежайка Хвалынского района Саратовской области – на 40 дней брали с собой на кладбище, затем вручали кому-то из близких родственников и этого же человека одаряли хлебом [ПМА: Кошкина]. Согласно полевым сведениям В.Н. Белицер, собранным в 1956 г., в д. Журавкино Ширингушского района (ныне Zubovo-Polyanskiy район) Республики Мордовия также было принято вешать полотенце, а на лавку класть одежду умершего [1, л. 2]; в с. Ачадове Ширингушского района на 40-й день с этим полотенцем выходили на улицу, выносили с собой брагу и хлеб, поминали усопшего и дарили полотенце первому встречному человеку [4, л. 35].

Накануне поминок оповещали всех родных, приглашали пожилых женщин, которые до поздней ночи читали молитвы. Например, в д. Чукалы Большеигнатовского района Мордовии в середине XX в. жили 4 монахини, которых всегда приглашали для чтения молитв по умершим [4, л. 32].

Поминать усопших ходили в основном женщины. Мужчины же участвовали в поминках только в день похорон и на 40-й день после смерти. Пожилые женщины, как правило, надевали темную одежду синих или коричневых тонов, молодые девушки – красного цвета (с. Атюрьеве Атюрьевского района Республики Мордовия) [3, л. 33]. Известно, что красный цвет у многих народов воспринимается как оберег, защищающий от нечистой силы и самого человека, и окружающие его предметы.

У мордвы-мокши Темниковского уезда Тамбовской губернии взрослые женщины перед тем, как пойти на похороны и поминки, закрывая вышивку своих головных уборов, повязывали поверх нее длинные полосы холста. Этим они старались как бы замаскировать принадлежность к тому родственному коллективу, обозначенному вышивкой на головном уборе, куда пришла смерть, поскольку, согласно народным верованиям, опасность умереть угрожала всем родственникам покойного. Если умирал взрослый человек, такую повязку но-

сили 6 недель, если младенец – 3 дня. Таким образом, считалось, что нити или холст служат предохранительным средством [13, с. 133].

До настоящего времени сохранился народный обычай приходить проститься с умершим не с пустыми руками. Считается, что на 40-й день на том свете пополняются запасы еды и одежды для усопшего. Поэтому родственники покойного по возможности приносят с собой разные продукты питания (муку, крупу, хлеб, блины, пироги, сырые яйца, овощи, в XX – XXI вв. еще кондитерские изделия и т. д.), которые затем используются для приготовления поминального обеда. Иногда вместо продуктов отдают деньги, на которые покупают посуду и раздают участникам похорон.

Поминки устраивали, как правило, утром и вечером, начиная с молитвы об упокоении перешедшей в иной мир души. Затем все присутствовавшие садились за стол и старший в семье, обращаясь к покойному, трижды говорил: «Вот тебе соль, мед и блины, будь сыт и доволен». После этого он отрывал кусочек блина, обмакивал его в мед и клал на конец стола к лицу усопшего [13, с. 136]. Затем люди, близкие к умершему по возрасту или старше его, обращались к нему с просьбой передать привет их умершим родственникам.

Повсеместно накануне поминок обязательно топили баню, куда могли прийти все участники поминаения, а также звали покойного. Если умерший был мужчина, то его приглашали вместе с мужчинами, которые по традиции парились первыми, если женщина, то с женщинами. Приглашали усопшего вместе со всеми предками, причитывая около бани или ворот. Согласно материалам М.Т. Маркелова, «...в с. Савкино Петровского уезда Саратовской губернии в баню брали с собой куклу, сшитую из лоскутков, изображающую покойника и одежду, как бы обмывали их, чтобы «душа ушла в рай чистой» [9, с. 134, 136].

По сведениям информантов с. Синенькие, Новозахаркино, Новодубровка Петровского района Саратовской области, перед тем как идти париться, традиционно выносили на улицу стол, на него ставили хлеб с солонкой, стакан с любимым напитком (квас, компот и т. д.), икону, а также свечу. Затем звали усопше-

го и других умерших родственников. При этом обязательно кланялись на четыре стороны и приглашали: «Приходи в баню и всех приводи». После этого уже шли в баню, где говорили: «*Покият атят, бабат, пурнауда сэрняуда, чефтемтеньк теланк, илиньк нардыньк мода пулиньк*» (эрз.) («Покойные родители, собирайтесь в кучу, смягчите тело, смойте свою могильную пыль»). Когда выходили из бани, обязательно звали ужинать [11, с. 163–164]. В с. Лебежайка Хвалынского района Саратовской области покойного приглашали словами: «*Аде штак, наряжак*» (мокш.) («Приходи помыться и нарядиться»). В эрзянском с. Атяшеве Атяшевского района Республики Мордовия вечером в бане произносили такие слова: «*Покиит атят, бабат, садо весе шлямо, парямо*» («Дедушки, бабушки, приходите мыться и париться», эрз.) [ПМА: Кияева].

В настоящее время обычай приглашать в баню покойных и всю родню утрачен и баню топят чаще в гигиенических целях.

На 40-й день усопшему обязательно «меняли» одежду: ее раскладывали на могиле, а после моления передавали близким родственникам, знакомым и тому, кому приснился умерший. Как отмечал М.Т. Маркелов, в с. Савкине Петровского уезда Саратовской губернии одежду, предназначенную для покойного, обязательно хранили в переднем углу, а затем также раздавали родственникам или знакомым [9, с. 134]. В с. Пичелейка Городищенского уезда Пензенской губернии подобную одежду клали на лавку, а по окончании поминальной трапезы вместе с его подушкой отдавали «нищей братии» [12, с. 181].

Мордва Заволжья одежду покойного просто раскладывала на лавке, где он умер, или на его могиле [10, с. 116]. Аналогично действовало мордовское население, проживавшее в с. Оркине Петровского района и Старая Яблонка Хвалынского района Саратовской области, а затем эти вещи передавала близким родственникам [ПМА: Мигачева, Старцева]. В с. Новозахаркине Петровского района подобную одежду еще перекрещивали, чтобы на том свете она перешла усопшему [ПМА: Дорофеева]. Помимо одежды и полотенца в с. Новодубровка этого же района на 40-й день давали одному человеку мыло и нитки с иглой [ПМА: Учаева].

Накануне 40-го дня все приглашенные на поминки посещали кладбище. По сведениям академика А.А. Шахматова, мордва Саратовской губернии для этого специально ездила на запряженной лошади, а умерший, как бытует мнение, приглашал всех дорогих ему усопших родственников [15, с. 76]. В Городищенском уезде Пензенской губернии при этом на кладбище отправлялись именно на той лошади, которая была обещана ушедшему в мир иной при жизни. Перед могилой все становились на колени, целовали землю и просили покойного выйти. Дома, как правило, двери оставляли открытыми, и вся семья ждала «гостя» с зажженными свечами [12, с. 176–177].

Однако покойного могли приглашать и без визита на кладбище. Так, в мокшанском с. Шадым Инсарского уезда Пензенской губернии (ныне Инсарский район Республики Мордовия), как правило, старший в доме созывал народ на поминки, разъезжая верхом на лошади от избы к избе [12, с. 176]. В с. Атяшеве Атяшевского района Республики Мордовия вечером накануне 40-го дня, когда выходили на улицу приглашать усопшего, около дома ставили стол, на который клали блины, пироги, квас, мед (теперь – конфеты, печенье), а также зажигали свечу. После чтения молитв ели мед, затем пили квас, наконец, очередь доходила и до блинов, пирогов, конфет. Утром следующего дня обязательно посещали кладбище [ПМА: Кияева].

В д. Чукалы и Селище Большеберезниковского района Мордовии в середине XX в. на 40-й день устраивали встречу умершего. На стол для него ставили чашку и ложку и таким образом угощали [1, л. 6, 14]. Это было характерно и для мордвы-эрзи с. Новые Турдаки Кочкуровского района Мордовии, по мнению которой, «...чем обильней будут поминать усопшего, тем лучше ему будет на том свете жить» [2, л. 26, 28].

Вплоть до начала XX века существовал обычай выбирать накануне сорока дней заместителя усопшего (*вастозай* – буквально «сидящий на каком-то особом месте», мокш.; *эземозай* – буквально «сидящий на скамье», эрз.). Им часто становился родственник, похожий на покойного внешне, по характеру, душев-

ным качествам, обычно того же возраста и пола, поскольку он должен был предстать перед всем родом и семьей.

Подобному заместителю оказывали почтение: сажали в передний угол, на разостланную постель (на перину или подушку), выслушивали рассказы о жизни в потустороннем мире и о других умерших. Как правило, заместителя одевали в платье покойного; члены семьи умершего ухаживали за ним как за самим новопреставленным, например сын называл его отцом. Это же выбранное лицо затем присутствовало и при поминании других дат, а также на семейных торжествах, в частности на свадьбах, крестинах и т. д. [14, с. 63]. По сведениям А.А. Шахматова, мордва Саратовской губернии «такому человеку подавали разнообразные кушанья. Для угощения остальных умерших предков ставили два блюда: одно с разной едой, другое с напитками. Все это сопровождалось плачами» [15, с. 76]. Приветствовать заместителя собиралась вся родня. Каждый приносил какой-либо подарок: муку, пшено, печеный хлеб, блины, кусок мяса – и ставил с поклоном на стол перед воображаемым покойником, осведомляясь, как ему живется на том свете [12, с. 177]. По окончании поминок заместителя умершего провожали на кладбище с громогласным плачем и падали перед ним ниц.

Подробно обряд проводов души с участием заместителя умершего описан в монографии И.Н. Смирнова «Мордва». В частности, в данной работе отмечается, что «...накануне 40-го дня (сорочины) всю ночь пришедшие на поминки поминают покойного. В это время заместитель покойного рассказывает о своей загробной жизни, о том, как ему там живется. Около полуночи заместитель дает всем наставления и пожелания: советует жить мирно, беречь скотину, не заниматься воровством, чтобы всегда имели *пуре* (хмельной напиток) и вино. Поминальная трапеза продолжается, как правило, до зари. Перед тем, как «отправить» покойного обратно в могилу, устраивается целая церемония по заготовке леса для покойного. Заместителя покойного сажают на стул с положенной на него подушкой, дают в руки нож и относят на гумно. Здесь он вырезает ветку от дерева, обходя ее со всех сторон, забирает ее и его заносят обратно в дом. В

доме посреди избы ставится импровизированная сборная кружка – кадочка, забитая сверху лубком, в котором прорезано небольшое отверстие, и в нее втыкается ветка. В другой части отверстия опускаются деньги. Около кружки на полу разводится небольшой огонь. Каждый поминающий обходит кружку три раза, берется за ветку правой рукой, перепрыгивая через огонь, и кладет деньги в кружку... (И.Н. Смирнов объяснял это стремлением освободиться от смерти, которая приходит вместе с покойником. Во всяком случае, присутствие огня во время поминок было связано с верой в его очистительную силу. У мордвы существует поверье, что костры несут в себе некую благодатную силу и с помощью пламени или его производных (углей, золы), старались спугнуть и прогнать смерть – *Л. Щ.*). В это время хозяин дома привязывал к столбу на заднем дворе назначенного для покойника быка, обматывал ему шею и голову холстом. Сюда же выходили все поминающие. Мокша, проживающая в Нижегородской губернии, перед закалыванием животных, падали на колени, просили у него прощения и обещали ему много сена в загробной жизни. Кровь жертвенного животного зарывается в землю или вместе с водой использовали для приготовления блинов. Мясо животного варили в больших котлах и полностью съедали. После окончания трапезы покойному говорили, что ему пора уходить в могилу. Все присутствующие падали на колени и просили у него благословения. Затем мнимого покойника сажали на телегу на перину, брали с собой хлеб, блины, мясо, пиво и ехали на кладбище. Воображаемого покойника на перине переносили на могилу, сажали спиной на восток – лицом к провожающим. У его ног расстилали скатерть, на которую раскладывали все яства и угощали его в последний раз. Вместе с ним угощались и родственники. Заместитель кланяется всем присутствующим, затем быстро поднимается с могилы и бросает в телегу перину и подушку. Далее с ним прощаются и приглашают его прийти летом, когда поспеют к жатве хлеба» [12, с. 177–179]. Следует отметить, что мордва в первое лето после смерти оставляла несжатой полосу какого-либо хлеба: для мужчин – ржи, для женщин – проса или льна, поскольку в народных представлениях зерно символизировало возрождение, плодородие и жизнь.

В конце XIX века, по словам И.Н. Смирнова, «...далеко не во всех местностях мордовского края обряд проводов души выполняется во всей полноте» [12, с. 180]. В частности, одежду усопшего просто раскладывали на лавке, где он умер, или на его могиле. Вместо заместителя использовали куклу, изображавшую покойного: одевали ее в его одежду и прикрепляли к ней зажженную свечу.

В Инсарском уезде Пензенской губернии (ныне Республика Мордовия) был зафиксирован сокращенный вариант проводов души. Так, ночью накануне 40-го дня заместителя умершего, который прежде лежал на лавке и слушал причитания «родни», поднимали за руки и везли к месту, куда приносили отбросы (мусор), – там его на прощание угощали водкой. В с. Шадым того же уезда поминальная трапеза происходила без участия заместителя покойного. Он появлялся только тогда, когда поминавшие с остатками пищи отправлялись на кладбище. Здесь на могиле раскладывали одежду умершего в том порядке, в котором он носил ее при жизни, и на разостланной скатерти – все принесенные кушанья. В с. Болдове Инсарского уезда Пензенской губернии (ныне Рузаевский район Республики Мордовия) душу усопшего провожали до дороги или конопляника, прощались и бежали обратно (домой). В народе существовало поверье, что тот, кто останется позади всех, мог умереть в этом же году.

В Сергачском уезде Нижегородской губернии душу провожали за ворота и прогоняли. Вслед ей бросали пыль или сор и кричали, чтобы она впредь сюда не приходила и никого не брала [12, с. 180–181].

В середине XIX века, по сведениям М. Иллюстрова, изучавшего похоронно-поминальные обряды мордвы Пензенской губернии, «Мордва-мокша из одежды покойного делала чучело, которое затем ставили в передний угол и которому в особую посуду откладывали по ложке из каждого поминального блюда и напитка» [7, с. 80]. Также и в Пензенской губернии, согласно данным другого исследователя, И. Н. Смирнова, «...покойника изображала кукла, одетая в его одежду, с прикрепленной к груди зажженной свечей» [12, с. 181].

То же свидетельствует и М.Т. Маркелов: «...в с. Савкине Петровского уезда Саратовской губернии... вместо заместителя умершего в передний угол ставили куклу, сшитую из лоскутков, изображающую покойника» [9, с. 134]. А на 40-й день на улицу выносили подушку, с четырех сторон держа ее за 4 угла, подходили к сорной яме во дворе и отряхивали, как бы провожая душу усопшего в загробный мир. После поминок все крошки и скорлупу стряхивали со стола на пол и оставляли все до следующего дня [9, с. 136]. Описанный обычай, как уже отмечалось выше, объясняли тем, что подметание пола считалось неуважением к покойному и якобы могло привести к тому, что с сором «выметется» и его душа.

В полевых материалах, собранных в ходе экспедиций в мордовских населенных пунктах Саратовской области, были зафиксированы следующие обряды проводов души. На 40-й день перед тем, как пойти на кладбище, во дворе ставили на стол икону, покрытую полотенцем, которое висело над покойником на стене, а также хлеб, соль, мед и брагу. Все родственники целовали икону и затем полотенце, пока в это же время кто-то причитал по умершему. Например, по свидетельству мордвы, проживавшей в с. Оркине Петровского района Саратовской области, на 40-й день на стол ставили полную чашку пшена, затем каждый из присутствовавших подходил и брал горсть зерна, чтобы высыпать в свою чашку. Около чашки с пшеном размещали сосуд с напитком (чаще квасом) и одну маленькую ложку, и каждый черпал ложкой квас и глотал, а затем целовал икону и фото покойного. Во время этого обряда у всех должны были гореть свечи. Дальше с этими свечами выходили на улицу и в том же порядке проводили аналогичный обряд на улице [ПМА: Мигачева].

В с. Синенькие, Новозахаркино, Новодубровка Петровского района на 40 дней певчие ближе к 12 часам дня выходили на улицу, где резали специально приготовленный для этого пирог на 40 частей. На столе имелись стакан с квасом или компотом, хлеб, солонка, икона и свеча, и каждый подходил к столу, молился, брал кусок пирога, целовал икону, черпал ложкой из стакана и уходил [11, с. 164]. В с. Еремкине Хвалынского района Саратовской области,

прежде чем идти на кладбище, все присутствовавшие обходили три раза вокруг стоявшего у ворот стола, на котором размещались хлеб, соль, свеча и икона. При этом целовали икону 3 раза [ПМА: Рузанова]. А в с. Лебежайка на 40 дней все собравшиеся останавливались около калитки и один из близких родственников сначала целовал всех, а затем шли на кладбище [ПМА: Кошкина].

В пос. Потьма Zubovo-Полянского района Республики Мордовия, когда провожали душу, для поминания у ворот ближе к дому ставили стол, где обязательно присутствовал кисель. Затем выходили на дорогу, по которой несли покойного, и по пути на двери встречных домов вешали полотенца [ПМА: Шиндина]. В мокшанском с. Покровские Селища того же района на 40-й день на улицу выносились табуретки, на них ставили кисель и блины, поминали умершего, а остатки пищи отдавали собаке [ПМА: Горюнова]. В русском селе Никольское Торбеевского района Республики Мордовия на 40-й день все присутствовавшие тоже выходили во двор, где расстилалась какая-либо ткань, на которой все становились на колени и три раза кланялись в ту сторону, куда унесли усопшего [ПМА: Сергеева].

По мнению исследователей, двери и порог дома, а также ворота считались своеобразной границей, отделявшей жилище от внешнего мира. Вероятно, они выполняли роль символической преграды, с помощью которой родные умершего пытались помешать распространению смерти. До ворот после поминок на 40-й день провожали и заместителя усопшего, уходившего затем в сторону кладбища [8, с. 92].

Когда родственники таким образом прощались с душой покойного, в чистый угол выливали воду из стакана, собирали в корзину продукты питания и шли на кладбище провожать умершего. Там поминали еще раз, при этом оплакивали его (ее). По сведениям В.Н. Белицер, в середине XX века в с. Новые Турдаки Кочкуровского района Республики Мордовия родные, придя на кладбище, раскладывали еду на могиле, становились на колени и молились. После молитвы приступали к обеду. В этот день, как правило, на кладбище ходило много бедных. Их угощали пирогами, яйцами и т. д. [2, л. 27] В д. Чукалы

Большеигнатовского района Мордовии в середине XX века на кладбище было принято брать пироги, мясо, яйца, брагу. После трапезы часть принесенной пищи закапывали в землю, часть раздавали нищим, а крошки оставляли для птиц. На могилу лили немного браги [1, л. 6].

Одной из форм почитания предков являлись жертвоприношения в честь покойных, сопровождаемые специальными обрядами. И.Н. Смирнов писал, в частности, что «...в Пензенской губернии обязательно закалывали то животное, которое было обещано покойнику до его смерти. В народе считали, что покойник все равно возьмет его, если семья вздумает заколоть на поминки другое купленное животное. В честь мужчин, как правило, закалывали лошадь, быка, барана, а в честь женщин – корову или овцу. Для этого, например, лошадь до 40-го дня откармливалась; в день поминок на ней ехали на кладбище. Шкура заколотого животного, изрезанная на куски, расстилалась на могиле» [12, с. 181]. Жертвенное животное считалось неприкосновенной собственностью усопшего, и его нельзя было продавать. Мнение о том, что наиболее архаичным жертвенным животным служила лошадь, подтверждается археологическими данными. Так, конские захоронения встречались на территории Кельгининского могильника XII-XIV вв. (Зубово-Полянский район Республики Мордовия) [5, с. 32–33].

В день «больших» поминок во дворе разводили костер. Т.П. Федянович, исследователь обрядов мордвы, указывает, что «...вокруг костра обносили поминальные блюда или сжигали в нем пряди волос, остриженные с голов или бород поминающих» [13, с. 141]. С какой целью это делалось, не уточняется, в других же этнографических источниках подобный ритуал не зафиксирован.

В ходе поминок на 40-й день, а в некоторых случаях и через год каждому участнику трапезы давали «поминание» – обычно что-либо из посуды (бокалы, ложки и чашки), полотенца и др. Так, по свидетельству информантов, в с. Калмантай Вольского района Саратовской области до середины XX в. посуду всем раздавали на кладбище, а в настоящее время – дома [ПМА: Ерантаева]. В с. Оркине Петровского уезда Саратовской губернии было принято раздавать 40

бокалов или ложек и 40 свечей [ПМА: Мигачева]; а в с. Еремкине Хвалынского района Саратовской области – ложки, чашки, платки и др. Один человек, который обмывал покойного, получал чашку, ложку и мыло [ПМА: Рузанова].

В с. Лебежайка Хвалынского района Саратовской области на 40 дней все присутствовавшие получали деревянные ложки и лепешки (пышки) [ПМА: Кошкина]. В с. Салазгорь Торбеевского района Республики Мордовия также было принято покупать 40 ложек и раздавать односельчанам [4, л. 29]. В с. Мордовские Парки Краснослободского района для этой цели использовались расписные деревянные ложки [ПМА: Повернова]; а в с. Симкине Большеберезниковского района – ложки, кружки, миски. Кроме того, в с. Симкине первому встречному в день похорон, если умерла женщина, давали платок, если мужчина – спички, деньги [ПМА: Буянкина].

Особый интерес для исследователей мордвы представляет пища, приуроченная к поминальным обрядам. В основном она сходна во всех районах проживания этноса. В соответствии с материалами экспедиций и опубликованных источников хлеб и пироги являлись обязательными блюдами при проведении обрядов жизненного цикла и христианских праздников; с хлебом-солью провожали умершего.

Главным блюдом, как у мордвы, так и у других финно-угорских народов, во время похоронно-поминальных обрядов изначально служила пшенная каша (*суронь ям*, мокш.), а в настоящее время чаще подают гречневую или гороховую. Каша символизировала рождение покойного в ином мире, поскольку зерна выступали символом воскрешения, ведь, попав в землю, они со временем превращаются в растения. Подобно им и усопший, будучи похороненным, в соответствии с церковными обычаями воскресает к вечной жизни.

Широкое распространение в поминальной обрядности мордвы, проживавшей в Мордовии, получили пшенные блины (*суронь пачат*, мокш.). Следует отметить, что их социальные функции у мокши были значительно шире: блины обязательно присутствовали во всех обрядах жизненного цикла. У эрзян же непременным атрибутом семейных обрядов и праздников это блюдо не счита-

лось, а на поминки всегда готовили яичные блины (*ал пачалкесть*, эрз.). Отмечено приготовление пшеничных блинов и татарами-мишарями, проживавшими на территории Республики Мордовия, что указывает на древние культурные контакты народов. А вот у русского населения данной территории их бытование не зафиксировано. Это позволяет сделать заключение, что пшеничные блины – излюбленное традиционное кушанье мордвы-мокши.

Главным поминальным блюдом являлся кисель (*ксяль*, мокш.; *кснавонь кусят*, эрз.): у эрзи и мокши овсяный, у каратаев – ржаной. В конце XIX века начали готовить кисель из крахмала, а в настоящее время его чаще варят из концентратов или различных муссов, хотя бытует и овсяный кисель, который иногда варится из покупных хлопьев.

Из напитков довольно широко был распространен квас. Его употребляли не только как самостоятельное блюдо, но и в качестве компонента окрошки. Празднично-обрядовым напитком выступала брага (*поза*, м., э.). Для мокши было характерным приготовление браги на основе ржаного солода, для эрзи – из красной и белой свеклы, а в эрзянских селах Похвистневского района Самарской области в сусло также добавляли тыкву. В настоящее время традиционные напитки стали большой редкостью; гораздо чаще используются покупной квас, лимонад, различные соки.

Христианство внесло в питание мордвы свои коррективы. Так, в поминальных трапезах обязательным стало приготовление кутьи и киселя. Повсеместно вошли в быт постные блюда, из которых особую роль играли рыбные. В скоромные дни ее готовили на растительном масле с добавлением яиц (*жарянь кал ал марто* эрз.). Обязательными они были на поминках.

Что касается состава трапезы на 40-й день поминок в настоящее время, отметим, что мордва, как и другие народы, старается получше угостить присутствующих. Устойчивыми блюдами являются кутья (приготовленная из риса с изюмом), кисель, блины. Кроме того, обязательны щи или суп, каша, лапша на мясном или грибном бульоне, кисель.

Поминальный стол отличался не только набором блюд, но и очередностью их подачи. В частности, сначала подавали щи, затем лапшу, кашу и кисель. В Похвистневском районе Самарской области перед супом также подавали окрошку, хотя ее приготовление больше свойственно русскому народу. В настоящее время на столах присутствуют различные холодные блюда: колбасы, сыры, соленая и копченая рыба, фрукты, овощи, кондитерские изделия.

Следует отметить, что во время подачи супа или щей под влиянием христианизации стали произносить молитву «Отче наш». По мнению мордвы, таким образом «нужно открыть душе дорогу». Перед кашей, как правило, читали «Богородицу», причем было важно порцию съесть полностью, иначе покойный якобы будет собирать крупинки в потустороннем мире. Перед подачей киселя пели «Вечная память». На последнем этапе, когда угощали кашей с киселем, всем присутствовавшим дарили платки, ложку, чашку, конфеты и лепешки.

Проанализировав проводимый на 40-й день поминальный обряд мордвы, бытовавший с середины XIX века по настоящее время, можно сделать вывод о том, что до сих пор традиции и обычаи этого комплекса соблюдаются намного полнее, и особенно людьми старшего поколения, так как пожилые люди обычно завещают хоронить их по обычаю предков.

В целом рассмотренный материал позволяет сделать заключение о том, что у мордовского населения сложилась в основном единая структура поминальной обрядности, хотя небольшие различия все же имеются. В частности, у мордвы-мокши принято печь пшеничные блины, а у эрзи – тонкие яичные блинчики; у эрзи и мокши обычно подавали овсяный кисель, у каратаев – ржаной. Тем не менее эти различия не существенны и никак не изменяют общий характер мордовского поминального ритуала.

Несколько различались проводы души умершего в Саратовской области и Мордовии. Так, в Саратовской области при этом на улицу выносили стол, где ставили пшено, разрезанный на 40 частей пирог, а также стакан с компотом или квасом и маленькой ложкой, которой каждый присутствовавший черпал напиток. Вместе с едой выносили икону, которую целовали три раза. В Мордовии

же вместо компота пили кисель и поминали блинами. В Похвистневском районе Самарской области перед супом подавали окрошку. Кроме того, для мордвы-мокши было характерно приготовление браги на основе ржаного солода, для эрзян – из свеклы, а в эрзянских селах Похвистневского района добавляли в сусло еще и тыкву.

Поминки на 40-й день по-прежнему считаются главными. Как и раньше, ставят хлеб-соль около умирающего и стакан с водой на окне, занавешивают зеркала, зажигают свечи и лампы. Хлеб-соль и стакан с водой как будто дают возможность душе, которая якобы до сорока дней находится в доме, не страдать от голода и жажды. Хотя теперь уже не все понимают смысл этого обычая.

Повсеместно около стакана с водой кладут монету, а чаще посуду для сбора денег. Данная традиция характерна и для татар-мишарей, проживающих в Мордовии. Сохраняется обычай приходить проститься с умершим, а также на все поминки не с пустыми руками: пожилые женщины приносят, как правило, сырые продукты – муку, крупу, яйца, а молодые – хлеб, кондитерские изделия и деньги. По-прежнему всем участникам поминок дарят ложки, чашки и другие предметы быта. В некоторых деревнях до сих пор развешивают на стене вещи усопшего, которые после поминок несут на кладбище и размещают на могиле на кресте, как бы переодевая покойного, а потом отдают ближайшим родственникам или соседям.

В конце XIX – начале XX века в силу утраты четких представлений о смысле тех или иных обрядов, а также под влиянием христианизации некоторые поминальные, в том числе и похоронные, обряды стали упрощаться и проводились в сокращенном виде. Под влиянием православия над умирающим и умершим начали совершать церковные обряды; иногда для чтения псалмов и псалтири в день похорон и на все поминки приглашали священнослужителей, но чаще – деревенских «грамотников» (псалтирщиков) или пожилых женщин, знающих молитвы.

К подобным нововведениям следует отнести зажжение свечей, что должно было продемонстрировать уважение к ушедшему, сохранение памяти о нем;

приурочивание общих поминок к церковным праздникам; появление в 1920-е гг. на могильных крестах надписей (раньше на них ставили только родовые меты) и т. д. Изменялась и поминальная еда. Так, обязательным стало приготовление кутьи и киселя. Не понимая сути большинства церковных ритуалов и канонов, подчас коверкая молитвы, мордва постепенно включала их в общий комплекс погребально-поминальной обрядности. Вероятно, под влиянием христианства исчез магический обычай устраивать костры, вместо них зажигаются церковные свечи.

Ускорили процесс трансформации поминальных обрядов социальные преобразования, происходившие в жизни мордовского населения после 1917 года. Прежде всего, уходили из быта дохристианские обряды, связанные с представлениями о загробной жизни, страхом перед умершим. Например, уже в 1920-е гг. в гроб вещи клали гораздо реже, чем раньше. Исчезли такие обычаи, как принесение в жертву животного, выборы во время поминок заместителя усопшего (согласно полевым сведениям 2009 г., данный обычай сохранился только в с. Чердаты Зырянского района Томской области), приглашение покойного и других умерших родственников помыться в бане и т. д.

Существенные перемены в жизни мордвы также были связаны с ростом уровня культуры и образования, снижения религиозности среди молодых супружеских пар. Названные тенденции проявились в советский период в результате утверждения новой идеологии, предусматривавшей освобождение общества от влияния религии. Усиленно велась пропаганда, нацеленная на вытеснение из бытования религиозных, прежде всего христианских, обрядов, чему способствовало и то обстоятельство, что в 1938–1943 гг. в Мордовии не было практически ни одного действующего храма.

Невозможно не учитывать и влияние урбанизации. В городе быстрее утрачивается национальная специфика семейного быта и обрядности. Здесь ниже, чем в селе, уровень знания традиционных обрядов, меньше людей, соблюдающих их в той или иной мере. Положительным моментом является создание в настоящее время специальных учреждений по оказанию услуг в сфере органи-

зации похорон и устройства поминок, так как уход из жизни близкого человека – это всегда большое горе и переживание для родных. Следует отметить и нововведения негативного характера, в частности широкое распространение употребление спиртного, особенно в последние два десятилетия.

Полевой материал автора (ПМА):

Буянкина Прасковья Фроловна, 1933 г. р., с. Симкино Большеберезниковского района Республики Мордовия, записи 2008 г.

Горюнова Клавдия Владимировна, 1936 г. р., с. Покровские Селища Zubovo-Полянского района Республики Мордовия, записи 2009 г.

Дорофеева Анна Ермолаевна, 1929 г. р., с. Новозахаркино Петровского района Саратовской области, записи 2008 г.

Ерантаева Роза Николаевна, 1940 г. р., с. Калмантай Вольского района Саратовской области, записи 2009 г.

Кияева Александра Федоровна, 1934 г. р., с. Атяшево Атяшевского района Республики Мордовия, записи 2008 г.

Кошкина Анна Игнатьевна, 1929 г. р., с. Лебежайка Хвалынского района Саратовской области, записи 2009 г.

Мигачева Анна Федоровна, 1939 г. р., с. Оркино Петровского района Саратовской области, записи 2008 г.

Повернова Анна Ефимовна, 1949 г. р., с. Мордовские Парки Краснослободского района Республики Мордовия, записи 2005 г.

Рузанова Евдокия Ивановна, 1938 г. р., с. Еремкино Хвалынского района Саратовской области, записи 2009 г.

Сергеева Мария Федоровна, 1939 г. р., с. Никольское Торбеевского района Республики Мордовия, записи 2009 г.

Старцева Раиса Степановна, 1931 г. р., с. Старая Яблонка Хвалынского района Саратовской области, записи 2009 г.

Учаева Мария Васильевна, 1928 г. р., с. Новодубровка Петровского района Саратовской области, записи 2008 г.

Шиндина Валентина Николаевна, 1956 г. р., пос. Потьма Zubovo-Полянского района Республики Мордовия, записи 2009 г.

Список литературы

1. Белицер В.Н. Мордовская этнографическая экспедиция 1953 г. по Мордовской АССР. Оп. 1. Д. 989. Л. 28.
2. Белицер В.Н. Мордовская этнографическая экспедиция 1954 г. по Мордовской АССР. Оп. 1. Д. 991. Л. 29.
3. Белицер В.Н. Мордовская этнографическая экспедиция 1955 г. в Мордовской АССР. Оп. 1. Д. 979. Л. 42.
4. Белицер В.Н. Мордовская этнографическая экспедиция 1956 г. по Мордовской АССР. Оп. 1. Д. 984. Л. 45.
5. Беляев Я.В. Кельгининский могильник: Раскопки 1990-х гг. / Я.В. Беляев, В.И. Вихляев. – Саранск, 1998. – 168 с.
6. Извлечение из историко-этнографического описания Озерской волости Саратовского уезда, составленного А.Н. Минхом // Мордовский этнографический сборник. – СПб.: Типография императорской академии наук, 1910. – С. 681–720.
7. Иллюстров М. Обряды Мордвов при погребении и поминовении умерших и вероучение их о загробной жизни // Пензенские епархиальные ведомости. – 1866. – №3. – С. 76–82.
8. Корнишина Г.А. Традиционно-обрядовая культура мордвы: учеб. пособие. – Саранск: Полиграф, 2005. – 103 с.
9. Маркелов М.Т. Саратовская мордва. – Саратов: Издание мордовского подотдела Губернского отдела по делам национальностей при Саратовском губисполкоме, 1922. – 238 с.
10. Мордва Заволжья / НИИ яз., лит., истории и экономики при Совете Министров – Правительстве Респ. Мордовия; Редкол.: В.И. Козлов (отв. ред.), П.Д. Грузнов, И.М. Петербургский [и др.]. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1994. – 184 с.

11. Никонова Л.И. Мордва Саратовской области / Л.И. Никонова, С.А. Махалов, Т.Н. Охотина [и др.]; под ред. д-ра ист. наук, проф. В.А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л.И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. – Саранск: Красный Октябрь, 2013. – 252 с.
 12. Смирнов И.Н. Мордва: Историко-этнографический очерк И.Н. Смирнова. – Казань: тип. Имп. ун-та, 1895. – 291 с.
 13. Федянович Т.П. Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья (конец XIX века – 1980-е годы). – М.: Наука, 1997. – 183 с.
 14. Харва У. Религиозные верования мордвы. – Хельсинки: Финн. акад. наук, 1952. – 381 с.
 15. Шахматов А.А. Мордовский этнографический сборник. – СПб.: Типография императорской академии наук, 1910. – 848 с.
-

Щанкина Любовь Николаевна – д-р ист. наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Россия, Москва.
